

СВЯЩЕННЫЙ МЕЧ БУДДЫ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Палладион* буддистов

ГЛАВА I

Праздник в фактории

Сицзян, или Жемчужная река, прорезывает южные провинции Китая на протяжении двухсот лье, при впадении в море разветвляется на бесчисленное множество каналов и канальчиков и образует обширную дельту с массой островов. Они то покрыты богатой тропической растительностью и изобилуют городками и многолюдными селениями, то заболочены, занесены илом и вследствие этого почти пустынно.

После англо-китайской войны 1840—1842 годов, более известной как Первая опиумная война, целью Англии было расширение торговли, в том числе опиумом, в Китае: небольшое число европейцев и американцев, пользуясь насильно вытребованным у правительства Небесной империи разрешением на право торговли в известных местах, заняли некоторые из островов и устроили на них фактории. Дела пошли хорошо, но в 1857 году вновь разгорелась война, и белые вынуждены были бежать, бросив имущество на произвол китайцев, которые, ненавидя все иноземное, уничтожили многие дома и товары. К счастью, война длилась недолго, и вслед за заключением

* Палладион — у древних греков и римлян название статуй богини Паллады, считавшихся святынями. Позднее это слово стало обозначать всякий предмет, который почитают как приносящий могущество и счастье. — *Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.*

мира, даровавшего немалые привилегии европейцам, беглецы вернулись обратно, отстроили фактории и возобновили коммерческую деятельность. Дела пошли столь успешно, что уже в 1858 году колонии опять процветали и, владея громадными капиталами, вели оживленную торговлю с Кантоном*, Хуанпу, Фошанем, Санышум, Шицзяо, Цзянмынем и другими городами и поселениями.

Вечером 17 мая 1858 года — время, с которого начинается наш рассказ, — датская колония по случаю прибытия военного корабля устроила в обширных садах фактории шумное празднество в европейско-китайском стиле, на которое был приглашен весь *beau monde*** колонии. Веселая пестрая оживленная толпа растеклась по садам, повсюду иллюминированным тысячами разноцветных фонарей и фонариков. Народу собралось очень много: богатые китайцы в национальных костюмах с капюшонами из красного и голубого шелка, вышитыми золотом; величаво-торжественные мандарины*** со знаками отличия на косичках и шапочках, в одеждах из шикарного шелка, затканного драконами, аистами, лунами, змеями; ученые различных степеней — серьезные, сосредоточенные, молчаливые, в неизбежных очках в роговой оправе; элегантные молодые аристократы в шляпах модного фасона, в высоких сандалиях на войлочных подошвах, в костюмах с поясами, наполненными золотыми монетами, расточаемыми на игорных столах. Среди этого моря голов, бритых и желтых, как айва, мелькали европейские лица: здесь были темноволосые испанцы, белокурые датчане, чопорные англичане и элегантные французы, одетые по последней моде, но с такими ее излишествами, которые только и можно встретить в среде давно покинувших родной Париж представителей этой нации. На празднике присутствовали щеголеватые, в парадных мундирах, капитаны стоявших в гавани кораблей, плантаторы, торговцы, судовладельцы и банкиры — разодетые и в бриллиантах.

Одни приглашенные танцевали под звуки португальской музыки, специально выписанной из Макао****, другие толпились вокруг длин-

* Так прежде называли в Европе китайский город Гуанчжоу.

** *Beau monde* (*фр.*) — бомонд, высший свет.

*** Мандарин — название, данное португальцами чиновникам феодального Китая.

**** Макао (Аомынь) — территория в Юго-Восточной Азии на побережье Южно-Китайского моря, португальская колония.

ных столов, угощаясь цветочным чаем из фарфоровых чашечек цвета неба после дождя, а небольшая группа — человек двенадцать — играла в вист в отдаленном углу сада под кустом магнолии, освещенным гигантским фонарем. Там сидела интересная многонациональная компания: португалец Ольваэс, американец Крекнер, англичанин Перкинс, испанец Баррадо, четыре датчанина из колонии, двое голландцев и два немца — все богачи, абсолютно хладнокровно выигрывавшие и проигрывавшие солидные куши.

— God damn it!* — проговорил один из игроков, американец Крекнер, подвигая вперед порядочную кучку проигранных долларов. — Однако не везет сегодня мне и Перкинсу! Ольваэс и Баррадо вчистую нас обыграли — мы потеряли тысячу долларов меньше чем за два часа! Должно быть, вы порядком напрактиковались или, может, нашли себе учителя в Макао?

— Конечно! — прищурился португалец Ольваэс, придвигая к себе доллары. — А вы думали, что я сяду играть с вами, предварительно не взяв хоть несколько уроков у такого же искусника, как вы? Я встретил в Макао известного игрока в вист, способного обыграть кого угодно, и он показал мне мастер-класс.

— Твой хваленый учитель, Ольваэс, — сказал Крекнер, — в любом случае уступает капитану Джорджию Лигузе. Слышал про такого? Вот это ас!

— Ха-ха! Да ведь наставник, про которого я говорю, и есть знаменитый капитан Лигуза, мой искренний друг!

— А! Он и мой друг тоже. Так это он давал тебе уроки? Он в Макао?

— Да, он охотился там за какой-то птицей для своей коллекции.

— Понятно, ездит в Макао и не приглашает с собой друзей! — делая вид, что обиделся, произнес Крекнер. — Корсан, как всегда, с ним?

— Конечно. После приключения в Плавучем городе они, кажется, никогда не расстаются: где капитан Джорджио, там и Корсан, и наоборот.

— Про какое приключение вы рассказываете? — поинтересовался англичанин Перкинс. — Ольваэс, давай-ка поподробнее!

— Охотно, — кивнул португалец. — Вы, конечно, знаете, что капитан Джорджио владеет роскошной коллекцией китайских

* Черт возьми! (англ.)

птиц, которой очень дорожит и при каждом удобном случае пополняет ее редкими экземплярами. И вот он узнал, что у одного из китайцев в Плавучем городе имеется какая-то невиданная птица. Капитан переоделся лодочником и отправился на поиски. Американец Корсан, у которого якобы тоже есть некая коллекция, а на самом деле три-четыре жалких набальзамированных чучела, втемяшил себе в голову, что он должен опередить капитана и приобрести знаменитую птицу. Этот Корсан устремился в Плавучий город, но по обыкновению полез в драку и получил такой сильный удар по голове, что свалился в реку и наверняка захлебнулся бы. Но судьбе было угодно, чтобы в эту самую минуту появился Джорджио, растолкав бритоголовых китайцев, бросился в воду и спас Корсана. С тех пор Джеймс Корсан стал тенью капитана Джорджио — они неразлучны.

— Вот плут, этот Корсан! — улыбнулся Крекнер. — Ловко он умеет обдeldывать свои делишки!

— О! Корсан ненавидит китайцев, — сказал Ольваэс, — и всякий раз, как только представится случай, таскает их за косы.

— Капитан придет сюда? — спросил испанец Баррадо.

— Наверное, нет, потому что, раз явится капитан, за ним увяжется и Корсан и начнет тут выплясывать, а потом, разгорячась, дергать китайцев за косы! — Ольваэс рассмеялся, а за ним все остальные.

— Капитан все-таки будет здесь непременно, — заметил один из датчан, — он сам мне признался. Ладно, давайте завершать партию.

Игроки взялись за карты, и снова доллары, таэли*, фунты стерлингов, рейхсталеры и пиастры пошли гулять по столу, переходя из рук в руки. Так прошло около часа, за который Крекнер и Перкинс проиграли еще тысячу долларов, перешедших в карман счастливых Ольваэса и Баррадо. Этим закончилась вторая партия, и компания уже собиралась начать третью, как вдруг с берега послышался шум.

— Новые гости, что ли, пожаловали? — спросил американец, опуская карты. — Ага! Вон смотрите, двое каких-то людей идут к нам. Ба, да это капитан в сопровождении моего грозного соотечественника!

* Таэль равняется семидесяти франкам. — *Примеч. автора.*

— Точно! — воскликнул Баррадо. — Легки на помине!

К игрокам быстро приближался капитан Лигуза, король виста, или, как в шутку именовали его друзья, *Человек, отбрасывающий живую тень*, — тень эта и сейчас следовала за ним в образе преданного друга и извечного спутника Джеймса Корсана, внимательно рассматривавшего в лорнет море бамбуковых шляп и развевавшихся длинных косичек танцующих китайцев.

Генуэзец Джорджио Лигуза, капитан торгового флота, был человек лет тридцати, высокого роста, стройный, с энергичным грубоватым, сильно загоревшим под тропическим солнцем лицом, живыми черными глазами, густыми длинными усами и пышной шевелюрой цвета воронова крыла. Он уже раз двадцать обошел вокруг света, но во время двадцать первой экспедиции потерпел крушение у южных берегов Кореи. Корабль и весь экипаж погибли. Спасся только капитан с одним молодым поляком, но они попали в плен к пиратам, где, ужасно страдая, пробыли почти два года, пока в одну бурную ночь им не удалось бежать от своих мучителей и высадиться на китайском берегу. Здесь беглецов ждали новые испытания: китайское правительство всячески препятствовало тому, чтобы европейцы поселились на территории Китая, и местное население преследовало смельчаков, рискнувших проникнуть вглубь китайской территории дальше разрешенных пределов. Но никакие трудности не остановили капитана. Переодеваясь то лодочником, то купцом, то прорицателем, он пробирался от города к городу и наконец достиг Кантона, где, скопив немного денег, занялся торговлей. Удачные сделки с чаем и бумагой скоро стали приносить ему доходы. Кутила, охотник, король игроков, при этом довольно образованный, прекрасно знавший географию, капитан сделался популярным человеком в *гонгах*, или факториях, и колонисты чуть ли не враждовали, оспаривая друг у друга его внимание.

Джеймс Корсан, уроженец Нью-Йорка, был одного возраста с Лигузой — лет тридцати, с широченными плечами, массивными ногами, похожими на колонны, с руками, напоминавшими два кузнечных молота, огромной головой, заросшей целым лесом ярко-рыжих волос, и большим носом, красным, как пион, настоящим носом пьяницы — любителя виски. Людей вроде Корсана, грубых, как бегемоты, наделенных геркулесовой силой, в Америке называют полулошадьми-полукрокодилами. Человек

очень богатый, Корсан даже не утруждал себя торговлей и все свое время тратил на перебранки с лодочниками и рабочими факторий, что нередко заканчивалось драками, во время которых сильно страдали косы бедных кули* — не дай бог, если в них вцеплялась могучая рука рыжего колосса. В короткий срок Корсан стал грозой китайцев, которые боялись его, как дикого зверя. В факториях его звали Гаргантюа или попросту обжорой за его привычку поглощать огромное количество пищи и за необузданную страсть к бифштексу и виски. Приятели называли его *Живая тень капитана*, так как Корсан и Лигуза повсюду ходили вместе. Вот и сейчас друзья, по-видимому, куда-то спешившие, не замедлили вдвоем появиться под кустом магнолии. Двенадцать рук протянулись им навстречу.

— Я уж думал, что не увижу вас, — сказал Крекнер. — Что-то стряслось? Куда вы так торопитесь?

— У нас есть новости, господа! — оживился капитан, осушив стакан портера.

— О! — воскликнули игроки все разом. — Какие?

— Через десять минут придут наши путешественники. Как какие? Вы что, ничего не знаете?

— Нет, — растерянно произнес Ольваэс.

— Когда я направлялся с моей Живой тенью, как вы его называете, к этому острову, то встретил Бурденэ, который плыл на своей *кхуай-тхинг*** к французской фактории. Он-то и сообщил мне о возвращении Кордонасо и Родни.

— Кордонасо! — снова хором повторили игроки.

— Вот именно, Бурденэ ездил за ним на торговое судно, шедшее из Сайгона.

Друзья вскочили из-за стола, бросив карты. Они знали, что Кордонасо и Родни — боливиец и англичанин — год тому назад отплыли в Индокитай с целью разыскать священную реликвию. Весть об их прибытии всполошила все общество.

— Вы уверены, что они вернулись? — спросил Крекнер.

— Да. Через десять минут вы тоже убедитесь.

* Кули — низкооплачиваемые неквалифицированные рабочие в колониальных странах.

** Род барки или лодки наподобие венецианской гондолы. — *Примеч. автора.*

— Как вы думаете, капитан, они отыскиали то, за чем ездили? — поинтересовался один из датчан.

— По-моему, нет. Последнее письмо от них ко мне было отправлено из Сайгона, и в этом послании ни словом не упоминалось о находке.

— Что они искали? — спросил кто-то из игроков.

— Священный меч Будды.

— Священный меч Будды? А что это такое?

— Разве вы о нем не слышали?

— Никогда! — крикнули игроки.

— Странно, китайцы постоянно о нем твердят.

— Этот меч драгоценный? — тихонько уточнил Ольваэс у Корсана.

— Пусть мой друг Джорджио расскажет, — ответил Корсан, почти не принимавший участия в разговоре и занятый разглядыванием голов китайцев с длинными косичками, как будто намечая себе подходящую жертву.

— Мы вас слушаем, капитан! — сказал Крекнер.

— Говорите, говорите! — раздалось со всех сторон.

Капитан уже приготовился удовлетворить общее любопытство, как вдруг заметил двоих джентльменов, направлявшихся к игорным столам. Он тотчас узнал боливийца Кордонасо и англичанина Родни.

— Господа! — воскликнул он. — Вот и наши путешественники! Двенадцать игроков вскочили как один и бросились навстречу новоприбывшим, обступая их:

— Ура, Кордонасо! Браво, Родни!

Путешественники обменялись рукопожатиями со всей компанией, после чего Крекнер с Ольваэсом потащили их к своему столику. Хлопнули пробки, и душистый херес до краев наполнил бокалы.

— За ваше здоровье!

— Спасибо, друзья!

Множество вопросов посыпалось вслед за тостами. Все наперебой хотели узнать, где были и что видели путешественники, что с ними случилось, нашли ли они священный меч, и герои дня, оглушенные криками, даже не знали, кому отвечать.

— У меня сейчас голова разорвется от шума, — признался боливец. — Нельзя ли потише?

— Эй, успокойтесь! — призвал к порядку Крекнер. — Если будете галдеть все разом, то наши друзья не смогут рассказать о священном мече, и мы равным счетом ничего не узнаем об экспедиции.

— Тише, тише! — подхватили игроки. — Давайте слушать про священный меч!

— Вам ничего не известно об этой реликвии? — уточнил Кордонасо, и на его лицо легла мрачная тень.

— Ничего! — кивнули все.

— Мы даже не знаем, куда вы ездили, — прибавил Ольваэс.

— Ладно, слушайте! Только сперва я, с вашего позволения, выпью хереса — что-то в горле пересохло.

ГЛАВА II

Пари

— Эта история, — начал Кордонасо, когда присутствующие уселись вокруг стола и воцарилась тишина, — относится к прошлому столетию, а именно к 1786 году. В тот памятный год многие китайцы отправились к озеру Манасаровар — месту, священному для буддистов, в особенности для жителей Тибета, которые бросают в воды Манасаровара пепел своих покойников, твердо веруя, что этим путем дорогие им умершие придут прямо в обиталище Будды. В числе паломников был и Куби Лай-шиу, влиятельный князь провинции Гуанси, один из самых ревностных почитателей божества. Однажды ночью, когда князь плыл по священному озеру, поднялась страшная буря, опрокинула лодку и потопила всех его спутников. Видя, что и ему грозит смертельная опасность, князь воззвал к Будде и в результате целым и невредимым добрался до берега, где укрылся в пещере. Спустя несколько минут он услышал в глубине своего убежища страшный треск и увидел огонек, перелетавший с места на место и как бы приглашавший следовать за собой. Князь пошел за огоньком и, поплутав по извилистым галереям, достиг обширной пещеры, наполненной костями и скелетами. Над ними среди колонн, словно вися в воздухе, блеснул меч подобный тем, какие и теперь используют татары: с клинком из превосходной стали и золотой рукояткой, украшенной громадным бриллиантом почти с орах величиной.

На одной из сторон клинка было выгравировано по-санскритски имя Будды, а на другой — какие-то непонятные знаки. Куби Лай-шиу завладел мечом и, считая его оружием самого Будды, по возвращении преподнес святыню в дар Кин-Лонгу, императору Китая и своему владыке. По приказанию последнего меч поместили в одном из дворцов городка императоров*.

— Как интересно! — воскликнул Крекнер и, отбросив сигару, уставился на путешественника, ловя каждое его слово.

Кордонасо, выпив немного хереса, возобновил рассказ:

— Мечу приписывалась чудодейственная сила, и он являлся предметом вожделения всех буддийских народов: Бирма, Тонкин, Сиам**, индийский раджа предлагали Кин-Лонгу баснословные суммы за меч, но китайский император не хотел расставаться со святыней. Тем не менее в 1792 году, пока Кин-Лонг отсутствовал в Пекине, меч украли.

— Кто? — спросили сразу несколько слушателей.

— Точно не известно. Говорили, что орудовала целая шайка искусных воров. Кто-то утверждал, что они — бирманцы, другие — что японцы, подкупленные микадо, третьи — что это дело рук индийцев. Кин-Лонг разослал послов во все государства Азии, но поиски оказались безуспешными: меч как в воду канул. Около 1801 года, уже после смерти Кин-Лонга, разнесся слух, что чудесное оружие похитил и спрятал в одном из городских храмов некий мандарин из Юаньяна, фанатичный последователь Будды. Император Киа-Кинг, унаследовавший престол Кин-Лонга, передал своим доверенным лицам рисунок с изображением священного меча и направил их в Юньнань на розыски, но никто из послан-

* В 1860 году Англия и Франция вели войну в Китае. В октябре их войска заняли находившийся близ Пекина летний городок китайских императоров Юань-мин-юань. В городке, окруженном гигантской стеной, находились тридцать шесть дворцов, созданных на протяжении нескольких веков. Каждый богдыхан строил для себя новый дворец, и Юань-мин-юань превратился в редчайшее собрание сокровищ искусства и архитектуры — жемчужину Китая. Захватив дворцы, колонизаторы учинили грабеж, а чтобы замести следы преступления, лорд Эльгин (Эльджин), главнокомандующий англо-французских войск, 6 октября 1860 года приказал сжечь Юань-мин-юань.

** Современные названия соответственно Мьянма, Вьетнам (северные районы), Таиланд.

ников не достиг цели и многие из них были убиты — вроде бы, самими бонзами, буддийскими священниками. В 1857 году, охотясь близ берегов Ганьцзяна, я случайно встретил сына одного из тех посланников, участвовавших по приказу Киа-Кинга в поисках святыни. У этого человека сохранился рисунок священного меча Будды, я купил его и, вернувшись в Кантон, показал своему другу Родни, который предложил попытаться разыскать пропавшую реликвию.

— Потрясающе! — прошептал Крекнер.

— После долгих раздумий мы решили отправиться в Юньнань, — сказал боливец, не скрывая гордости, — и, согласитесь, мало кто, как мы, отважился бы на столь рискованное предприятие.

— Это точно, — скривил губы в улыбке Корсан.

— Мы знали, что странствие по незнакомым землям, населенным далеко не дружественными племенами, — дело опасное. Только железные люди, храбрые и энергичные, как мы, решились бы на такое.

— Короче говоря, герои! — не без иронии произнес капитан Лигуза, видимо, полагая, что боливец слишком расхвастался.

— Да, господа, именно герои, — подтвердил Кордонасо, ничуть не смущаясь, — и, несмотря на все трудности, мы с Родни отправились в путь.

— Что же дальше? — с нетерпением спросил Джорджио.

— Мы выехали в конце января прошлого года вместе с проводником-китайцем. При нас было несколько лошадей, ружья и достаточный запас пороха и пуль.

— Черт возьми! — удивился Крекнер. — Можно подумать, вы хотели завоевать целиком какую-нибудь область!

— А что тут удивительного? Да, я мечтал видеть знамя Боливии развевающимся в самом сердце Юньнани, рассчитывал завладеть частью этой провинции, — воодушевился Кордонасо.

— Но это вам, кажется, не удалось, — хитро заметил Ольваэс.

— Нет, хотя дело оставалось за малым. Итак, мы двинулись к Хуншуйхэ. Какой поход, друзья мои! Ни один путешественник древних и новых времен не встречал столько препятствий!

— Так ведь до Хуншуйхэ не очень далеко, — перебил рассказчика Крекнер.

— Вы бы видели, какие горы мы преодолевали! Негодяй проводник обманывал нас и вел по непроходимым тропам через леса

и болота, по таким местам, где каждую минуту мы могли лишиться жизни, а не то что еще отыскать священный меч.

— Как же вы такое допустили? — нахмурился капитан Джорджио.

— Ни я, ни Родни не знали этой страны.

— Вот так славные путешественники! Отправиться в незнакомую страну и не потрудиться изучить ее хотя бы по картам!

— Вам легко рассуждать! Хотел бы я посмотреть на вас в тех условиях, господин капитан! — рассердился боливиец.

— Я добился бы своего и нашел священный меч! — твердо заявил Корсан.

— Что?! Даже не надейтесь. И вас, и вашего капитана китайцы обманули бы точно так же, как нас с Родни.

— Сомневаюсь, сеньор Кордонасо! — усмехнулся Джорджио. — Какой же вы после этого моряк?

— Я попросил бы без оскорблений...

— Господа! — приподнялся с места Ольваэс. — Вы хотите затеять ссору? Пожалуйста, не горячитесь!

— Да, это ни к чему, — сказал Крекнер. — Дайте дослушать рассказ о чудесном путешествии.

— Сеньор Кордонасо! Просим! Опишите ваш путь! — закричали игроки.

— Хорошо, — смягчился боливиец, — продолжаю. Мы подошли к Хуншуйхэ, реке, изобилующей водоворотами, а по ширине она равняется десяти Темзам...

— Неправда! — вмешался до сих пор молчавший Родни, в котором, видимо, взвырала национальная гордость.

Корсан грубовато засмеялся, и многие последовали его примеру.

— Вам не нравится, что я сравнил Хуншуйхэ с десятью Темзами? — спросил боливиец, покраснев.

— Царица английских рек гораздо шире китайской Хуншуйхэ.

— Браво, охотник за бегемотами! — громко захохотал Корсан.

— Зачем вы возбуждаете ненужные страсти и перебиваете меня? — упрекнул Кордонасо англичанина.

— Ну-ну, господа! — одернул их Крекнер. — Хочется уже услышать конец истории!

— Тише, тише! Рассказывайте! — закричали слушатели.

Боливец, недовольный тем, что его все время прерывают, некоторое время угрюмо молчал, потом залпом осушил бокал хереса, чтобы снять раздражение, и заговорил снова:

— Переплыв Хуншуйхэ, мы пустились через громадные равнины Юньнани, вдвоем преодолевая такие препятствия, перед которыми отступили бы двадцать человек, и усыпая путь трупами врагов...

— И золотом, — перебил его Родни.

— Пусть будет так, трупами и золотом. Не стану описывать, как мы шли через леса Юньнани, кишевшие тиграми, слонами и бегемотами, через болота, где нас одолевала ужасная лихорадка...

— Разве железным натурам страшна лихорадка? — не без ехидства спросил Ольваэс, которого начинал раздражать рассказчик-хвостун.

— Такая лихорадка сломила бы и железных людей, — не обращая внимания на насмешку, ответил боливец. — Боже, какая напасть! У нас стучали зубы в шестьдесят градусов жары! На тонкинской границе после страшнейшей битвы мы попали в руки лютого бандита и пробыли в плену шесть месяцев, пока однажды ночью не бежали, перебив всех разбойников.

Англичанин Родни, молча куривший, поднял голову, с удивлением глядя на своего спутника. Этот взгляд не ускользнул от внимания публики, которая и так не сомневалась, что боливец лжет все больше и цветистее.

— В воротах Юаньяна, — на ходу сочинял Кордонасо, — мы схватились с китайской стражей, которая не желала нас впускать. Но храбрость восторжествовала, мы ворвались в город и принялись разыскивать священный меч. Мы осмотрели все храмы, допросили и подвергли пыткам бонз, но, к невыразимому удивлению, меч не нашелся. Его попросту больше нет на свете!

— Как это?! — воскликнули слушатели. — Священный меч Будды прекратил существование?

— Да! Мы его не нашли, и я твердо уверен в том, что его уничтожили.

— Ну, это сомнительно, — с недоверием покачал головой капитан.

— Почему? — спросил боливец, взглянув на собеседника сверху вниз.

— Потому что меч могли спрятать в каком-нибудь другом городе, где вы не были.

— Проклятье! — завопил Кордонасо и ударил кулаком по столу.